

рическая роль Византии и ее место во всемирной истории: В порядке дискуссии // ВВ. 1968. Т. 29. С. 32—44; Он же. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. 1973. Т. 35. С. 3—32.

⁷¹ Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии... С. 44.

⁷² См.: Там же. С. 32.

⁷³ См.: Там же. С. 64. Концепция М. Я. Сюзюмова была поддержана его ученицей А. И. Романчук. См.: Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII—первой половины IX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1972; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 53—55, 68—70, 80—81, 85—88, 96—100, 166—172, 176—183 и др.

⁷⁴ ГАСО. Ф. 802 р. Оп. 1. Д. 153. Л. 3.

⁷⁵ См. об этом: Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 10. Примеч. 19.

⁷⁶ См.: Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 12—32; Она же. [Рецензия] // ВВ. 1980. Т. 41. С. 290—293. Рец. на: Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court. A.D. 364—425. Oxford, 1975; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества: По данным кодексов Феодосия и Юстиниана. Л., 1980; Она же. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского города // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 23—36; Курбатов Г. Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. Гл. 2—4; Он же. Византийский город в раннефеодальную эпоху и некоторые вопросы своеобразия социальной структуры византийского общества // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984; С. 37—56; Литаврин Г. Г. Восточноримская империя в V—VI вв.; Он же. Византийское государство в VII—XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985. С. 8—33, 99—116.

⁷⁷ См.: Удальцова З. В., Осипова К. А. Формирование феодального крестьянства в Византии (VII—XI вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 387—426.

А. В. ЗАЙКОВ
Уральский университет

ПЕРИЭКИ В СТРУКТУРЕ СПАРТАНСКОГО ПОЛИСА

Проблема типологической принадлежности спартанского полиса давно поставлена в специальной литературе, однако некоторые аспекты этой проблемы еще далеки от окончательного решения. Представляется, в частности, чрезвычайно важным вопрос о том, какие социальные группы входили в состав гражданского коллектива Спарты в архаическую и классическую эпохи. С ответом на него связано определение общего и особенного в политической истории Лакедемона. Недостаточное внимание исследователей к проблеме социальных рамок спартанской *tes politeias* привело к возникновению вокруг Спарты столь устойчивого ореола «нетипичности».

Развитие спартанского государственного устройства от архаики до поздней классики обычно рассматривается как движение от умеренной «гоплитской» демократии к олигархической форме¹. При этом основанием для определения государственного

устройства позднеклассической Спарты как кастовой олигархии служит прежде всего противостояние гомер — гипомейоны. Действительно, противоречие между этими социальными категориями гражданского коллектива — наиболее яркий пример сословного «водораздела» внутри олигархического полиса: гипомейоны, продолжая оставаться гражданами, утрачивают все политические привилегии, связанные с членством в «общине равных». Но так как противостояние это достигло значительной глубины лишь в период Пелопоннесской войны², определять спартанскую политику как олигархическую до этого времени было бы весьма проблематичным, если в качестве гражданской общины рассматривать только общину спартиатов. Но лакедемонский полис предстает несколько в ином свете, если отрешиться от традиционного отношения к неспартиатским категориям, входящим в состав этого полиса, прежде всего — от невнимания к сословию перизков³.

В современном антиковедении проявляется устойчивая тенденция исключать спартанских перизков из состава гражданского коллектива⁴. Иногда данную социальную категорию пытаются определить как сословие лаконских метеков⁵. При характеристике их положения доминируют политические аспекты, при этом правовой статус спартанских перизков определяют в самых общих и нечетких положениях. Чаще всего выделяют следующие моменты: зависимость перизков от Спарты, личную свободу, отсутствие политических прав при сохранении местного самоуправления. Отсутствует анализ наиболее важных характеристик, вытекающих из сущности полиса.

К. Маркс, касаясь характерных черт общинного строя в античности, пишет: «Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине, но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником. Относясь к своей частной собственности как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине, и сохранение его как члена общины есть точно так же и сохранение существования общины, и наоборот и т. д.»⁶ Право собственности на землю — это основное право гражданина полиса, а участие в той или иной мере в эксплуатации на правах собственности земельного фонда общины является показателем принадлежности к гражданскому коллективу. Вместе с тем в период становления полиса формируется типичная черта его политической структуры: права и обязанности граждан распределяются пропорционально той доле общинной земли, которой они владеют. Но поскольку доля эта никогда не была равной для различных слоев гражданского коллектива, постольку гражданство в полисе не может носить равноправный характер, и единство гражданского коллектива не исключает социально-политическую дифференциацию внутри его.

В социальной структуре любой античной гражданской об-

щины выделяются два слоя общинного коллектива, обладавших различными правами и обязанностями, выполнявших различные общественные функции: высший, сосредоточивший в своих руках управление общинным коллективом, и низший — рядовые общинники. Эти два слоя в социально-экономическом отношении различаются тем, что если хозяйство первых было основано на эксплуатируемом труде, то хозяйство вторых — на личном труде земельного собственника⁷. Объединенные античной формой собственности в структуру гражданской общины, эти слои выполняют различные функции в данной структуре. Частная собственность на землю, реализуемая посредством эксплуатации, дает возможность осуществлять непроеизводственные функции социального контроля и регулирования общественных отношений в полисе. Слой рядовых общинников выполняет в первую очередь производительную функцию, однако, несмотря на то, что эта социальная категория большей частью отстранена от исполнительных функций политической власти (даже в самом демократичном полисе античности), она является важной политической силой, поскольку если элитарный слой образует ядро войска, то рядовые общинники (даже в самом олигархичном полисе) — собственно состав «всенародного ополчения»⁸.

Если рассматривать социальную структуру Спарты с данных позиций, то это государство предстает как типичный пример античной гражданской общины. Здесь спартиаты представляли собой высшее сословие полиса, периэки — рядовых общинников. Особенность Спарты заключается в том, что класс эксплуататоров внутри этой гражданской общины выделяется в строгую корпорацию.

Для решения вопроса о месте периэков в структуре спартанского полиса необходимо прежде всего рассмотреть их отношение к земле. Основу всей социально-экономической системы классической Спарты заложили так называемые реформы Ликурга, базировавшиеся на перераспределении земельного фонда общины. Плутарх, сообщая об этом перераспределении, пишет, что земли Лаконики были разделены на клеры: 30 тыс. — между периэками и 9 тыс. — между спартиатами, соответственно числу их семей (Plut. Lyc. VIII). Таким образом, периэки являются собственниками земли, поскольку их отношение к ней античная традиция определяет так же, как она определяет отношение спартиатов, — владение долей земельной собственности общины, полученной от нее при Ликурговом перераспределении. При этом периэки, в отличие от илотов, пользовались землей без каких-либо экономических обязанностей перед спартиатами. Периэцкое землевладение, как и спартиатское, опосредовано верховной собственностью гражданской общины, правом на землю, гарантируемым и защищаемым полисом. Так, например, в 428 г. до н. э. войско лакедемонян вынуждено было вернуться домой, поскольку, как сообщает Фукидид, афинская эскадра грабила земли

периеков — *perioicida auton porthousai* (Thuc. III. 16.2; ср.: Xen. Hell. IV. 8.7).

Можно утверждать, что периекские хозяйства — в рассматриваемый период в подавляющем большинстве — представляли собой мелкое производство, основанное на личном труде. Не случайно спартанские военачальники (например, Агесиполид во время похода против Мантиней в 384 г. до н. э. — Xen. Hell. V. 2.4) вынуждены считаться с тем, что для периеков крайне обременительно в течение длительного времени находиться в походе.

Таким образом, вопрос о месте периеков в экономической системе полиса решается однозначно — это земледельцы, являвшиеся вместе с тем мелкими земельными собственниками.

Общность периекской и спартиатской форм собственности проявляется и в характере потребления производимого хозяйством продукта. Как собственники земли и непосредственные производители периеки присваивают весь произведенный ими продукт, но их членство в общине проявляется в существовании определенных обязанностей по отношению к ней, иными словами, в том, что определенная часть произведенного ими продукта потребляется не непосредственно периекским хозяйством, а, что характерно и для хозяйства спартиатов, в децентрализованной и централизованной формах общины в целом.

Прежде всего это их воинская функция, т. е. личное участие периеков в ополчении с собственным вооружением гоплита. Далее, периеки принимают участие во всех формах создания общественного фонда, без которого невозможно нормальное функционирование общинного коллектива. Во-первых, в источниках довольно часто встречаются намеки на существование общинных средств у лакедемонян (напр.: Her. VI 57; Xen. Lac. VIII. 1; Idem. Hell. III. 4.2). Это *to coinon tes poleos* (казна полиса), или иначе *ta coina chremota* (общинные средства), которые возникали за счет *tes eisphoras* (налог, поступление) с земельной собственности (Ag. Pol. II.6.23). Во-вторых, дважды в месяц община поставляет базилям — главным жрецам полиса — жертвенных животных и определенное количество сельскохозяйственных продуктов (Her. VI.57). Этот жертвенный фонд пополняется и другими способами. Так, Ксенофонт говорит, что от каждого опороса базилею для жреческих нужд выделяется поросенок (Xen. Lac. XV. 3.5). В-третьих, темен базилям выделяется из лучших периекских земель (Ibidem)⁹. Темен — это материальная основа исполнения культовых функций верховными жрецами общины — базилями, и его связь с землями периеков еще раз подтверждает, что последних со спартиатами объединяет верховная собственность на землю общины. Община в указанных формах коллективно потребляет продукт, произведенный и присвоенный периеками.

В сложных для спартанского полиса внешнеполитических условиях наметилась тенденция к увеличению доли периеков в формировании общественного фонда полиса. Это проявилось прежде всего в том, что ввиду сокращения численности «общины равных»¹⁰, контингенты периеков в войске расширяются. Кроме того, со второй половины V в. до н. э. у верхушки спартанского общества появились активные политические интересы вне Пелопоннеса, что требовало длительных заграничных подходов, а эти походы тяжело отражались на хозяйстве периеков, принимавших в них участие¹¹. Далее, во времена Аристотеля эйсфора спартиатов в полисную казну значительно сократилась (Ag. Pol. II.6.23), что, вероятно, также связано с сокращением численности гомеев. Таким образом, и эта функция в значительной степени перекладывалась на плечи периеков. Все это вместе взятое усиливало противоречия внутри лакедемонской гражданской общины, о чем свидетельствует Ксенофонт рассказом о заговоре Кинадона (Xen. Hell. VI. 5. 24—25, 32; VII. 2.2.). Указанные процессы явились экономической основой и конкретным проявлением кризиса спартанского полиса.

Обязанностью гражданина, а следовательно, показателем гражданства в полисе, является его участие в формировании полисного ополчения. Известно о присутствии периеков в лакедемонском войске, но чтобы определить, в какой мере это обстоятельство является признаком, характеризующим принадлежность их к гражданскому коллективу, необходимо рассмотреть место периеков, во-первых, в функциональной и, во-вторых, в тактико-строевой организации лакедемонского войска¹².

Прежде всего необходимо выяснить, в каком качестве выступают периеки в войске. По свидетельству источников, их обязанностью было поставлять гоплитские контингенты. Нет надобности приводить примеры, так как источники, говоря о лакедемонских гоплитах, почти всегда подразумевают, что в их составе были как спартиаты, так и периеки. Иногда указывается соотношение тех и других. Согласно данным Геродота (Her. IV. 28—29), спартанское войско полного набора включало 5 тыс. гоплитов-спартиатов и столько же периеков. Кавеньяк, проведя анализ данных, содержащихся у Фукидида и Ксенофонта, пришел к выводу, что с сокращением численности спартиатов количество периеков в войске возрастает, уже во времена Фукидида несколько превышая число спартиатов, а во времена Ксенофонта на 6 спартиатов приходилось 10 периеков¹³.

Ксенофонт в рассказе об одной стычке с фиванцами во время похода Агесилая в Беотию в 378 г., до н. э. перечисляет погибших со стороны лакедемонян: «...cai tōn te peltastōn sychnous catebalon cai tōn hippeōn Clean cai Epicydidan Spartiatas, cai tōn perioicōn hena, Eudicon, cai tōn Thēbaicōn tinas phygadas, oupō anabebēcotas epi tous hippous» (Xen. Hell. V. 4. 39). Текст позво-

ляет считать, что перизк Эвдик также был всадником, на основании чего можно предположить, что в Спарте кавалерийские моры, как и гоплитские, формировались из числа спартиатов и перизков.

Перизки использовались не только в качестве гоплитов и конников. На некоторые их подразделения возлагались особые функции, чему примером служит отряд из Скиритиды (горная область на севере Лаконики), занимавший особое место в лакедемонском войске. В ночное время скириты несли охрану лагеря (Хеп. Лас. VIII. 6), во время похода их лох и разведывательный отряд всадников шли впереди войска (Ibid. XII. 3), скириты всегда занимали левое крыло лакедемонской фаланги, о чем свидетельствует Фукидид, описывая построение войска перед битвой при Мантинее в 418 г. до н. э. (Thuc. V. 67.1). Необходимо отметить, что особое место этого лоха в строю, обусловленное его тактико-функциональным назначением, было традиционным. Не случайно Фукидид употребляет здесь наречие «*aiei*» — «всегда», «постоянно». Обладавшие легким вооружением и особой подвижностью, скириты, очевидно, использовались не в составе фаланги, а для прикрытия ее левого крыла, обыкновенно являвшегося более слабым по причине естественного «заваливания» фаланги вправо.

Рассмотрим место перизков в тактико-строевой организации спартанского войска. Прямых сведений об этом в источниках нет. Данная проблема в свое время оживленно дискутировалась Кроммайером и Белохом на страницах «Klio» в 1903 и 1906 гг. Мы вслед за Кавеньяком полагаем, что источники, в первую очередь Ксенофонт, прекрасно знакомый с военной организацией лакедемонян, вполне однозначно свидетельствуют о единой тактической структуре для спартиатов и перизков¹⁴.

В «Лакедемонской политике» Ксенофонт говорит о разделении войска на 6 мор. Далее: «...*hecastē de tōn politicon morōn echei polemarchon hena, lochagous tettaras, pentecosteras octo, enomotarchas heccaideca. Ec de touton tōn morōn dia pareggyeseos cathistantai, tote men eis enomotias, tote de eis treis, tote de eis hex*» (Хен. XI. 4).

Место очень неясное. Тем не менее объяснение его Кавеньяком кажется наиболее правдоподобным, хотя и не решает всех вопросов, поставленных Ксенофонтом перед исследователями. Количество эномотий (3 или 6) в море зависит от того, какой набор — сокращенный или полный. При полном наборе в море, исходя из количества эномархов, должно быть 16 эномотий, при сокращенном — 8. Остальные эномотии, считает Кавеньяк, — 10 при полном наборе и 5 при сокращенном — формировались из перизков. Такое соотношение, указывает исследователь, достаточно хорошо согласуется с данными Ксенофонта о численности спартиатов в войске лакедемонян в битвах при Коринфе в 394 г.

до н. э., Левктрах в 371 г. до н. э., а также других, более мелких столкновениях¹⁵.

Еще одно доказательство единой тактической организации спартиатов и периеков находим в «Панафинейской речи» Исократ (Isocr. Panath. 180). Автор указывает, что периеки могут стоять в строю вместе со спартиатами даже в первом ряду.

Объединение спартиатов и периеков в структуре войска вытекает из тактических особенностей фаланги. Сила фаланги в ее единстве, крепкой спаянности. Лакедемоняне, в отличие от афинян и сиракузцев, довели до конца это единство, преодолев генетический и территориальный принципы организации войска. Спартиаты и периеки группировались, как пишет Кавеньяк, «не по месту происхождения, но по возрастам и по относительной пропорциональности возрастных классов... соответственно необходимости гомогенности фаланги»¹⁶.

У этого правила есть исключение — уже рассмотренный нами лок скиритов, которые, обладая легким вооружением и особой подвижностью, выполняли специальные задачи и потому были выделены в отдельный отряд.

Формула, применяемая источниками для обозначения механизма сбора контингента в поход, проста и почти всегда одинакова: «Эфоры (лакедемоняне) объявили сбор в подход». Ксенофонт в «Лакедемонской политике» высказывается несколько подробней: «Proton men toinyn hoi ephoroi proceryttoussi ta ete, eis ha dei strateuesthai» (Xen. Lac. XI. 2). Что касается военного сбора среди периеков, то самый существенный вопрос здесь в том, каким принципом руководствовались эфоры, определяя районы, откуда должны были мобилизовываться периеки в том или ином случае. Без сомнения, в экстренных случаях призывались ближайшие соседи Спарты¹⁷ (как в 425 г. до н. э. — Thus. IV. 8. 1; в 383 г. до н. э. — Xen. Hell. V. 2. 23; в 370 г. до н. э. — Ibid. VI. 5. 24).

Возникает вопрос: в какой мере характер участия периеков в тактико-строевой и функциональной организации лакедемонского войска может служить критерием их гражданской принадлежности? Ясно, что само по себе участие в войске в качестве гоплитов безусловным критерием быть не может. Хорошо известно, что начиная с Пелопоннесской войны спартиаты широко использовали илотов (неодамонов) в качестве тяжеловооруженных. В Афинах иногда в этом же качестве мобилизовывались метеки. Для нас важен не тот или иной факт, а **характер** участия в войске той или иной социальной категории, установленный на основе возможно более полной совокупности фактов. Необходимо сказать, что использование негражданского населения в качестве гоплитов характерно для исключительных моментов в жизни полиса. Весьма показателен в этом отношении рассказ Фукидида об отправлении 700 илотов-гоплитов во главе с Брасидом в Халкидику в 424 г. до н. э. Для спартиатов это было предлогом для

удаления большого числа склонных к восстанию илотов — *erī prophasei esempsaī* (Thuc. IV. 80.2) ¹⁸.

Вся совокупность вышеизложенных фактов приводит к следующему выводу: имманентным признаком спартанского войска является его формирование как из спартиатов, так и из периеков — на всех уровнях тактико-строевой и в основных моментах функциональной организации. Характер участия периеков и спартиатов в ополчении одинаков. Поскольку отсутствует армия — особый военный аппарат, не связанный с гражданским коллективом, — полис не может защищать свою собственность на землю иначе, как силами самого гражданского коллектива. Показателен в этом отношении термин, применяемый античными авторами для обозначения гражданского ополчения — «*pandamei*». В этом смысле фаланга, являющаяся «естественной тактической формой для гражданской общины» ¹⁹, адекватна самой общине. Участие в фаланге спартиата и периека в качестве гоплита является для каждого из них в равной степени реализацией основной функции **члена гражданской общины** по защите земельной собственности полиса.

Когда речь идет о социальной категории периеков, практически всегда отмечают, что они не имели политических прав. Под этим понимают отсутствие права быть избранными в магистратуры и права участия в апелле. Но этим не исчерпываются политические функции, прежде всего участие периеков в ополчении было такой функцией ²⁰. Кроме того, периеки могли назначаться командирами значительных воинских подразделений, во всяком случае на флоте. Так в 412 г. до н. э. командиром одной из спартанских эскадр был назначен периек Диниад (Thuc. VIII. 22. 1). Спартанские власти иногда отправляли периеков с различными внешнеполитическими поручениями. Периек Фринис, например, был послан на Хиос с разведывательными целями, когда после разгрома афинян в Сицилии хиосцы попросили принять их в Пелопоннесский союз (Ibid. VIII. 6. 4).

В административно-территориальной организации периеки также выступают как члены гражданской общины. Они пользовались самоуправлением, вместе с тем верховную власть представляли направленные из Спарты гармосты, известные уже с периода архаики ²¹.

Принадлежность периеков к гражданской общине проявляется в том, что они объединены со спартиатами культовыми и другими традициями. Главным лакедемонским праздником являлись Гиакинфии, проводившиеся, как известно, не в Спарте, а в Амиклах. Показательны факты, связанные с погребальными обрядами. После Платейской битвы спартиаты и периеки были погребены отдельно от илотов (Her. IX. 85). Геродот пишет, что когда умирает базилей лакедемонянин, кроме спартиатов на погребальном обряде обязаны присутствовать и периеки со всего Лакедемона — «...*epean gar apothanē basileus Lacedaimonion*, ec

pasēs dei Lacedaimonos, choris Spartieteōn, arithmō ton perioicon anagcastous es to cedos iēnai» (Ibid. VI. 58). Илоты тоже присутствуют на похоронах, но в ином качестве, нежели периэки и спартиаты: как рабочая сила. Периэки же вместе со спартиатами составляют похоронную процессию. По отношению к периэкам Геродот употребляет выражение «anagcastous ... iēnai»²², т. е. они обязаны вместе со спартиатами присутствовать при погребении. Он говорит и об определенном числе периэков — «arithmo ton perioicon», — очевидно, это представители всех (или каких-то определенных) периэских городов. Периэки обязаны составлять похоронную процессию именно как члены гражданского коллектива. Не случайно Геродот употребляет словосочетание «basileus Lacedaimonioi» — базилеи как потомки богов являются жрецами и представителями перед богами **всей общины лакедемонян**.

Необходимо сделать еще одно весьма важное замечание. Объединение спартиатов и периэков под одним именем — Lacedaimonioi — повсеместно в античных источниках (напр.: Her. VI. 58; VII. 234; IX. 11, 28, 29; Thuc. IV. 8. 11; 55. 1; Xen. Hell. VI. 4. 15). Вместе с тем этот термин указывает не на место проживания, так как илоты очень четко отделяются от лакедемонян (Her. IX. 28; Thuc. IV. 8. 9; V. 57.2; Xen. Rep. Ath. III. 11), а на принадлежность к гражданской общине: источники, когда речь идет о межполисных отношениях, употребляют данный термин в смысле «государство лакедемонян».

Таким образом, периэки, безусловно, являлись членами гражданской общины Спарты классического периода. В социальной структуре этого полиса они составляли слой ограниченных в политических правах граждан, в то время как объединенные в «общину равных» спартиаты обладали полнотой политических прав.

Данное различие обусловлено местом, которое занимают спартиаты и периэки в классовой структуре общества: если спартиаты относятся к классу эксплуататоров, то периэки — к мелким земельным собственникам — свободным мелким производителям. Политическое неполноправие последних и является характерной чертой полиса олигархического типа.

¹ См.: Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 215; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 98.

² О количественном сокращении «общины равных» в период с начала V до середины IV в. до н. э. см.: Cavaignac E. La population du Péloponnèse aux Ve et IVe siècles // Klio. T. 12. N 3. P. 261—280.

³ Здесь мы не затрагиваем проблему сословной принадлежности неодамодов и мофаков (мофонов). Отметим только, что неодамоды и мофаки, как и гипомейоны, сформировались в качестве **социального слоя** лишь в период Палопонесской войны.

⁴ См.: **Утченко С. Л.** Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 39; **Андреев Ю. В.** Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова и др. 2-е изд., испр. М., 1983. Т. 2. С. 90; **Голубцова Н. И.** К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н. э. // Тр. МГИИАИ. 1985. Т. 12. С. 254; **Kahrstedt U.** Die spartanische Agrarwirtschaft // *Hermes*. 1919. Bd 54. S. 291; **Ehrenberg V.** Spartiaten und Lakedaimonier // *Hermes*. 1924. Bd 59. S. 51, 56—59; **Larsen J. A. O.** Periocoi // *PWRE*. Bd 19. Hlbd. 1. Sp. 816 u. folg. **Rousset P.** Sparte. P., 1960. P. 42; **Lüdermann H.** Sparta. Leipzig; Berlin, 1939. S. 49; **Michell H.** Sparte. Cambridge, 1952. P. 68; **Rudolph H.** Die lykurgische Rhetra und die Begründung des spartanischen Staates // *Festschrift für B. Snell*. München, 1956. S. 76; **Oliva P.** Sparta and her social Problem. Pr., 1971. P. 55—62; **Chrimes K. M. T.** Ancient Sparta. Manchester, 1952. P. 288; **Cartledge P.** Sparta and Laconia: A Regional History 1300—362 B. C. L., 1979. Chap. 10 **Günther R.** Perlöken // *Lexikon der Antike*. Leipzig, 1979. S. 419. В ряде работ прослеживается тенденция включать периеков в состав гражданского коллектива: **Niese B.** Neue Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Lakedämons: Die lakedämonischen Periöken // *GGN*. 1906. S. 101—142; **Hampf F.** Die lakedämonischen Periöken // *Hermes*. 1937. Bd. 72. S. 1—49; **Berve H.** Sparta. Leipzig, 1937. S. 23 и др. Историкография периекской проблемы рассмотрена в кн.: **Busolt G.** Griechische Geschichte. Gotha, 1893. Bd 1. S. 519 u. Folg. **Oliva P.** Op. cit. P. 55—59.

⁵ См.: **Niese B.** Op. cit. S. 102; **Kahrstedt U.** Griechisches Staatsrecht. Göttingen, 1922. Bd 1. S. 74.

⁶ **Маркс К.** Формы, предшествующие капиталистическому производству // **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 466.

⁷ О становлении социальной структуры античного полиса см.: **Шиллюк Н. Ф.** Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982. С. 21 и след.; **Шиллюк Н. Ф.** Социальная структура раннеримского общества // Античная древность и средние века: Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 15 и след.

⁸ См.: **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг // **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 20. С. 186.

⁹ Об этом см.: **Ellul J.** Histoïr des institutios. P., 1955. T. 1. P. 28.

¹⁰ См.: **Cavaignac E.** Op. cit. P. 261—280.

¹¹ В данном случае положение можно сравнить с тем, которое сложилось в Риме в период подчинения Италии и Пунических войн. Аппиан говорит о том, что военная служба отрывает от хозяйства и ведет к разорению земледельца (App. BC. I. 7—8).

¹² Под функциональной организацией подразумевается совокупность внутренних связей между различающимися по вооружению и военному назначению частями войска. Под тактико-строевой организацией — упорядоченность, соподчиненность и взаимодействие всех тактических единиц войска, создающих его целостность и способность к боевым действиям.

¹³ См.: **Cavaignac E.** Op. cit. P. 272.

¹⁴ См.: *Ibid.* P. 266—267.

¹⁵ См.: *Ibid.* P. 269—271.

¹⁶ *Ibid.* P. 267.

¹⁷ О местоположении периекских общин в Лаконике и Мессении см.: **Bölte F.** Sparta (Geographie) // *PWRE*. Bd 3. Hlbd. 2 A. Sp. 1294—1373; **Bengtson H.** Griechische Geschichte. München, 1965. S. 114; **Cartledge P.** Op. cit. Chap. 10.

¹⁸ Вопрос о широком использовании спартанским полисом илотов (с последующим присвоением им статуса неодамонов) в качестве гоплитов в дальних походах, в гарнизонах, которые были оставлены в конце Пелопоннесской войны во многих греческих городах, относится к другой проблеме, рассмотрение которой не входит в наши задачи, — проблеме сокращения роли милиции в связи с формированием армии.

¹⁹ **Дельбрюк Г.** История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1. С. 115.

²⁰ Одной из форм политического протеста переизгов в условиях кризиса спартанского полиса мог быть отказ от поставления воинских контингентов, как это случилось перед первым походом фиванцев в Лаконику (Хеп. Heli. VI. 5. 25).

²¹ См.: Ellul J Op. cit. P. 53; Печатнова Л. Г. Спартанский полис на рубеже V—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 10.

²² По отношению к илотам термин «*apagastoi*» не употребляется. Присутствие рабочей силы предполагается в любом случае.

А. В. ИГНАТЕНКО
Свердловский юридический институт

О НАЧАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РИМЕ (к вопросу о возникновении политической власти)

Вопрос о начале государственности в Риме в современной советской литературе — особенно четко эта тенденция выражена в учебниках и учебных пособиях¹ — решается традиционно: в соответствии с замечанием Ф. Энгельса по поводу политического значения реформ Сервия Туллия. Создание «действительно государственного устройства, основанного на территориальном делении и имущественных различиях»², относят к постсервианскому периоду. Попытаемся, однако, привлечь внимание и к другому аспекту этого хорошо известного вывода: «... в Риме, еще до упразднения (выделено нами. — А. И.) так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах»³. «Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю... невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни об обстоятельствах возникновения той революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *populus*»⁴.

Думается, что здесь акцент поставлен также на продолжительности процессов разрушения родового строя и оформления политической организации⁵, а следовательно, привлечено внимание к процессам, исторически предшествовавшим реформе Сервия Туллия, последняя приведена лишь как конечная грань, за которой гентильная структура и родоплеменное устройство перестали играть сколько-нибудь значительную роль в политической жизни.

Вопрос о пересмотре даты начала государственности в Риме, на наш взгляд, актуализирован двумя обстоятельствами.

Во-первых, введение в научный оборот целого ряда новых источников — данных археологии, эпиграфики, лингвистики, нумизматики — не только внесло в понимание генезиса классового общества и государства в Италии большую ясность и определенность, но заставило в корне пересмотреть отношение к ан-